

В. М. ПАНЕЯХ

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ДЕРЕВЕНСКИХ СЛУЖИЛЫХ КАБАЛАХ СПАСО-ПРИЛУЦКОГО МОНАСТЫРЯ

1

Вопрос о трудовом использовании кабальных людей мало привлекал к себе внимание исследователей, как с точки зрения конкретно исторической, так и с точки зрения источниковедческой. Предположение, на которое наталкивала стереотипная формула новгородских кабальных записей: «а за рост... у государя своего... служить по вся дни во дворе», об использовании кабального труда исключительно лишь на дворовой работе — давно уже признано несостоятельным в связи с опубликованием еще Н. П. Лихачевым ряда духовных грамот с упоминаниями в них страдных людей кабальных¹. Эти упоминания способны навести на мысль о существовании каких-то особых частно-правовых актов, оформлявших именно страдную работу 30 закабальемых. Опубликованные в 1924 г. В. Г. Гейманом среди других актов несколько документов, особого, ранее не известного типа, относящихся к хозяйственной жизни Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря², подтверждали как будто бы правильность этого предположения.

В статье В. Г. Геймана, предпосланной публикации, интересующие нас документы подверглись источниковедческому ана-

¹ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, X, вып. 1. СПб., 1895, стр. 29: «А люди мои котерыи страдныи слуги, те вси на слободу, а страдныи люди кабалныи... те вси жены моеи Федосьи»; см. также: XIII, стр. 47; XVI, стр. 57 и др.

² В. Г. Гейман. Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Московского государства XVI столетия. «Сборник Российской публичной библиотеки», ч. II. Материалы и исследования, вып. 1. Пг., 1924, стр. 277—294.

лизу. Однако автор строил свои выводы, располагая для исследования весьма ограниченным материалом, что во многом и предопределило оценку рассматриваемых документов.

Давая им характеристику, указывая, в частности, на то, что «за взятые в долг деньги заемщики обязуются жить в монастырских деревнях, пахать монастырскую пашню и нести все повинности в пользу монастыря»¹, В. Г. Гейман отмечал тождественность этих обязательств закабляемых с обязательствами по порядной крестьянской записи. В то же время интересующие нас акты были определены автором как деревенские служилые кабалы, оформляющие условия страдной работы кабальных, причем не только на пашне феодала (в данном случае — монастыря), но и на своем наделе, полученном согласно условиям той же «кабалы». Основаниями для такой квалификации названных документов послужили три обстоятельства. Первое из них состоит в обязательстве закабляемых производить определенные работы за проценты с занятых на год денег. Во-вторых, автор указывал на то, что в формуляр грамот включена «типичная для служилых кабал клаузула, начинающаяся словами: «А полягут деньги по сроце»². И, наконец, в-третьих, автор отмечал факт отсутствия в данных документах указаний на несение «кабальными» государева тягла, что роднит их со служилыми кабалами. Здесь же следует отметить, что этому последнему обстоятельству автор придал наибольшее значение, ибо, по его мнению, только оно отличает зависимость по деревенской служилой кабале от зависимости по порядной записи³, так как одновременно опубликованные В. Г. Гейманом две порядные со своей стороны приближаются к служилым кабалам «резко подчеркнутым условием работы за рост по сделанному долгу»⁴.

Вся последующая литература по данному вопросу не внесла каких-либо новых моментов в оценку опубликованных В. Г. Гейманом документов. Более того, она скорее продолжила эту традицию, еще более прочно утвердив представление об особой юридической природе деревенских кабальных людей и о так называемой деревенской служилой кабале, как документе, оформляющем их зависимость⁵.

¹ В. Г. Гейман. Указ. соч., стр. 278.

² Там же, стр. 279.

³ Там же, стр. 284.

⁴ Там же, стр. 283.

⁵ Так, Б. Орфенов, исходя из рассмотрения именно этих документов (в частности «кабалы половничей», как она сама себя называет), утверждает, что кабальный человек «в некоторых случаях... несет и государственное

Однако внимательное рассмотрение опубликованных В. Г. Гейманом материалов, наряду с изучением некоторых аналогичных неопубликованных источников, натолкнуло нас на необходимость пересмотра установившегося взгляда. При этом нам представляется целесообразным коснуться некоторых своеобразных особенностей других документов, относящихся к хозяйственной жизни Спасо-Прилуцкого монастыря (порядные записи, заемные кабалы, поручные записи), как опубликованных, так и не опубликованных.

Только на основе такого комплексного рассмотрения мы можем разрешить вопрос о природе отношений, возникающих в результате оформления зависимости по так называемой деревенской служилой кабале.

2

Еще в 1909 г. М. Дьяконов обратил внимание на необычную порядную запись, принадлежавшую Спасо-Прилуцкому монастырю и содержавшую обязательство поряжающегося: «за рост нам жити в монастырской отчине в Сергиевском ключе в деревне на Козлове в полуплуге, а лготы нам казначи рядил на два годы. И в те нам лготные годы нам не давати монастырского оброку, изделия не делати, а о государские подати как за хлеб ся примуть, так и потянути, а поставити нам в те лготные годы во дворе изба... да два сеника, да овин, да сарай, да заборы кругом, да ворота и земли не запереложити и огороды огородити, а порука по нас в житье и в денгах и в семяном хлебе Федот Евсивьев сын из деревни з Долгуши, да Максим Софронов сын из деревни Микиткина, а не учнем мы в той деревне жити или двора не поставим и пойдем вон и на нас на порущикох по сей рядной записе десят рублей...»¹.

Анализируя этот документ и имея в виду выделенные нами слова, М. Дьяконов совершенно справедливо указал, что «на-

тягло, платит подать великого князя» (Б. Орфенов. Кабальное холопство в Московском государстве в конце XV и XVI веке. «Ученые записки Саратовского государственного пед. института», вып. VI. Саратов, 1940, стр. 59). Б. Д. Греков также согласился с той оценкой, какую дал этим документам В. Г. Гейман, признавая их деревенскими служилыми кабалами, и внес попутно поправку в рассуждения В. Г. Геймана указанием на то, что «дающий на себя служилую кабалу, из тягла не выходит (как считал В. Г. Гейман. — В. П.), потому что он и не входил в него» (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 674).

¹ См. М. Дьяконов. К вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабале. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 319—320.

стоящая рядная запись сближается со служилой кабалой в ее первоначальной формуле, когда должник принимал на себя обязанность служить за рост»¹. Правда, в таком сближении М. Дьяконов видел свидетельство влияния кабальной крепости на зарождающуюся крестьянскую неволю², но в настоящем случае нас интересуют не общие построения автора, а с полной очевидностью документально установленный им факт включения в рядную запись именно основного элемента служилой кабалы (так как работа за процент является наиболее характерной особенностью последней).

Совершенно аналогичными с рассмотренной рядной являются две рядные записи того же Спасо-Прилуцкого монастыря, датированные 1583 и 1584 гг. и опубликованные В. Г. Гейманом вместе с кабалами³.

В архиве Ленинградского отдела Института истории АН СССР хранятся еще несколько подобных же рядных записей⁴.

Повидимому, в делопроизводительной практике Спасо-Прилуцкого монастыря выработался особый тип рядной записи, отличающийся от обычного типа введением в ее текст обязательства производить работы за процент с занятых денег, обязательства, характерного для служилых кабал. Но самый этот факт свидетельствует о некотором безразличии монастырских «делопроизводителей» в отношении к самому предмету их делопроизводительного творчества, а именно к документу, оформляющему крестьянскую крепость. Монастырского дьячка интересует в основном реальный факт — обязательство крестьянина производить определенные работы на своем наделе, а также на дворе и пашне монастыря. Что же касается того, производятся ли эти работы за рост с занятых денег и семян или за самый дол, или, быть может, за предоставление участка земли, а ссуда является лишь необходимой помощью в деле приведения его в пригодный для хозяйственной деятельности вид, — то такие вопросы его занимают в гораздо меньшей степени, так как различия между перечисленными условиями вряд ли на практике были существенными.

¹ М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 321.

² Там же, стр. 317.

³ В. Г. Гейман. Указ. соч., стр. 292—293, № 23, 24.

⁴ См., например, архив Ленинградского отдела Института истории АН СССР (ЛОИИ), фонд Спасо-Прилуцкого монастыря, IV К 107: «Се яз Пахом Третьяк... занял... Полуцкого монастыря полтину денег... а за рост мне жити в монастырской отчине в Сергиевском ключе в деревне Никитине в четверте плуга, а лготы казначий рядил ка два...» (Разрядка наша. — В. П.).

Выше мы уже отмечали, какое большое значение придал В. Г. Гейман отсутствию в так называемых деревенских служилых кабалах указаний на обязательство тянуть государево тягло. По его мнению, при сходстве житейских отношений, отражаемых порядными записями спасо-прилуцкого типа, и деревенскими кабалами «остается разнствующим одно лишь формальное условие, но чрезвычайно важное»: ¹ заемщик по порядной записи платит государевы подати, заемщик по деревенской служилой кабале их не платит.

Казалось бы, что наличие или отсутствие только этого «условия» и должно было бы явиться критерием при отнесении указанных документов к той или иной категории. Однако не одно только это «условие» послужило на практике таким критерием. Еще одним и едва ли не самым важным признаком, определившим квалификацию ряда документов в качестве деревенских кабал, а не порядных записей спасо-прилуцкого типа, явилось то, как они себя называют: «кабала» или «порядная». Но этот признак учитывался В. Г. Гейманом лишь в следующем затруднительном случае.

Половник, занявший в 1571 г. на один год рубль денег, обязуется «за рост жити в селе в Выпрягове на полплуга половничати. . . земля пахати, во дворе хоромы починивати, и поля городити, и дань царя великого князя давати по книгам и изделье монастырское делати»; далее читаем: «А кабалау писал монастырский дьячек Афонасец Иванов сын Гаврилов», и на обороте: «кабала из Выпрягов. . .» ²

Если исходить из критерия, выдвинутого В. Г. Гейманом, то данный акт следовало бы причислить к категории порядных записей (половничьих), так как в нем присутствует указание на обязанность заемщика тянуть государево тягло. Однако сам автор проявляет здесь некоторую нерешительность: «В документе этом мы имеем как бы кабальную крепость на свободного тяглового половника. Обязательством служить за рост по кабале заемщик делается как бы кабальным человеком монастыря, переходит в состояние зависимое; обязательством же платить цареву дань сохраняет свое тяглое состояние, состояние свободного подданного. В сущности, конечно, документ этот является не кабалой, а порядной записью. Однако документ назван кабалой не только писавшим его дьячком, но и монастырскими властями, сделавшими на обороте его

¹ В. Г. Гейман. Указ. соч., стр. 284.

² Там же № 22, стр. 292 (разрядка наша. — В. П.).